

УДК 82.0

Черты пространства делового Петербурга в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге»

Действие романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» происходит в Петербурге 70-х годов. Как показывают исследователи, «Дневник провинциала...» живо, в резких сатирических чертах передаёт атмосферу буржуазно-дворянского и бюрократического Петербурга начала 70-х годов, с его оголтелым хищничеством и жадой наживы, крепостническими вожделениями и либеральными фразами, мошенничеством, казнокрадством, политическим произволом и нравственной распущенностью, пошлыми увеселениями и безобразными кутежами» [7, с. 536]. Характеризуя проблематику романа, исследователь отмечает, что в романе сатирически изображены основные социальные слои того времени – это, в первую очередь, набирающая силу и аппетиты буржуазия, обслуживающий её интересы слой либерально-журналистской интеллигенции, изживающий себя класс крепостников.

М. Ю. Лотман, отмечал разделённость, как одну из главных черт петербургского пространства. Парадный Петербург, его фасадная часть принадлежала состоятельным сословиям, закулисье – маленьким людям. Жители обоих пространств смотрели на противоположную часть как сторонние наблюдатели. Петербург, из наблюдений М. Ю. Лотмана, разделён на две антагонистичные части общества, бедных и богатых, каждая из которых имеет своё пространство, с определёнными признаками [3, с. 327].

Описание Петербурга 70-х годов в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина является органичной составляющей петербургского текста, сформировавшегося за период 19-го столетия и описанного литературоведами [1, 2, 3, 5]. Однако петербургский локус романа М. Е. Салтыкова-Щедрина имеет свои отличительные признаки, обусловленные социально-историческими реалиями России десятилетия 70 – 80-х годов и индивидуальным видением писателя ситуации общественно-политической ситуации, сложившейся в России к концу XX века.

В описании Петербурга М. Е. Салтыковым-Щедриным, обращают на себя внимание, в первую очередь, две особенности. Пространство Петербурга не разделено по принципу антагонистичных классов, так как их нет в повествовательной структуре романа. Оно полностью принадлежит слоям властимущих и в соответствии с принадлежностью имеет границы и признаки. Другая особенность петербургского пространства М. Е. Салтыкова-Щедрина состоит в том, что с ним происходит

метаморфоза, благодаря тому, что оно вовлекает в себя и периферийное губернское пространство. Таким образом, состояние Петербурга отражает социальное, политическое, экономическое, нравственное пространство всей России.

Необходимо отметить, что повествование романа ведётся от лица героя-повествователя. Поэтому, в основном оно даётся с его точки зрения, губернского интеллигента-либерала 40-х годов (Гамлет сороковых), который попадает в Петербург, в надежде увидеть настоящую жизнь, почерпнуть новые, свежие идеи. Благодаря тому, что герой романа неискушенный провинциал, которого автор погружает в столичную среду. Все пороки, которые он видит в Петербурге, предстают перед его глазами в гипертрофированном, укрупнённом виде, детально, с подробностями – отстранённо. Петербургское пространство и его среда обитания, таким образом, представляется автором со стороны и изнутри.

В завязке романа петербургское пространство предстаёт перед глазами провинциала в своём традиционном образе, который создан в предыдущих текстах: улицы, туман, слякоть [7, с. 259]. Но эта традиционность предопределяет его однообразие. Действующие персонажи движутся по многочисленным определённым пунктам – подлокусам, которые, производят впечатление одного и того же места.

С самого начала в повествовании заявляет о себе пространственная оппозиция, центр – периферия. Но действие романа развивается в петербургском локусе. Примечательно, что о существовании пространства периферии мы узнаём из рассказов персонажей, представителей провинции. Как уже установлено исследователями, по сложившейся в русской литературе традиции – это два оппозиционных пространства, составляющих, как правило, антитезу.

В «Дневнике провинциала ...» граница между этими пространствами стирается, они утрачивают свою антиномичность. На первый взгляд, изначально в повествовании устанавливается формальное противопоставление консервативной, чуждой переменам провинции прогрессивному Петербургу. Северная столица должна разрешить вопросы, мучающие либерального провинциала в «постылом губернском городе»: *«Вы в Петербург едете? – В Петербург! – Этим всё сказано. Как будто Пттербург сам собою, одним своим именем, своими улицами, туманом и слякотью должен что-то разрешить, на что-то пролить свет... вот ужю съезжу в Петербург, и тогда...»* [6, с. 259].

Далее эта оппозиция нивелируется. Губернское пространство, как бы сливается с центром – Петербургом, заполняя его. В Петербург едет вся губерния: *«В этом вагоне сидела губерния, сидело всё то, от чего я бежал, от лицезрения чего стремился отдохнуть»* [6 с. 259]. Примечательно то, что «губерния» представлена не описанием

своих физических признаков, характерных деревенскому городскому локусу, а обобщённым портретом персонажей, которые ему принадлежат: *«Все они были налицо с своими жирными затылками, с своими клинообразными кадыками, в фуражках с красными околышами и с кокардой над козырьком... На меня эти красные околыши произвели какое-то болезненное впечатление. Мне показалось, что я опять в нашем рязанско-курско-томбовско-воронежско-саратовском клубе, окружённый сеятелями, деятелями и всех сортов шлющимися и непомнящими родства людьми...»* [6, с. 259].

Эта персонифицированная губерния заполняет пространство Петербурга, и облик столицы меняется. Нужно сказать, что описания Петербурга у М. Е. Салтыкова-Щедрина развивают традицию описаний города, разработанную в полной мере Ф. М. Достоевским. Часть его – это жизненно-бытовое пространство героя-безнадёжности [6, с. 29]: съёмные комнаты, грязные улицы, чердачные этажи, злачные места всех уровней, салоны, конторы. Но из этой традиции вытекает ещё одна особенность представления петербургского пространства.

В создании образа петербургского пространства обращает на себя внимание тот факт, что город теряет внешние характерные признаки северной столицы. Автор его заполняет многочисленными гостиницами, салонами, клубами, ресторанами, выворачивая Петербург наизнанку. При этом официальный, парадный город с дворцами, гранитными набережными, мостовыми растворяется в притонах греха, которые выдвигаются на передний план. Сначала, приехав с деньгами в Петербург, вся «губерния» останавливается в Grand Hôtel: *«Оказалось, что все мы, то есть вся губерния, останавливаемся в Grand Hôtel... Уклониться от совместного жительства не было возможности. Ещё в Колпине начались возгласы: “да остановимтесь господа, все вместе!”»* [6, с. 261].

Далее герой направляется «на биржу к Елисееву», в «устричную залу». От Елисеева – снова номера Grand Hôtel и тяжёлая, кошмарная ночь. Между гостиницей и устричной залой Елисеева герой кружил пять дней, потеряв счёт времени: *«Кроме своего номера и устричной залы Елисеева я ничего не вижу»*. С первых глав повествования пространство превращается в замкнутый круг, из которого трудно вырваться: *«Значит, дошел до точки. Нет надо бежать. Но как же уехать из Петербурга, не выдав ничего, кроме номера в гостинице и устричной залы Елисеева»*. (15 дней)

Герой бежит из Grand Hôtel, от окружающей его провинции, и «тайком перебирается в скромные комнаты chambers garnies, на Гороховой» [6, с. 263]. Физически провинциал переместился в другой подлокус и сменил траекторию перемещения в петербургском пространстве. Для телесного и духовного очищения он посещает воронинские бани, театр, затем наносит визиты товарищам по школе в надежде получить

импульс к развитию, *«что-то разрешить, на что-то пролить свет»* [6, с. 259]. Но путь либерала в поисках смысла жизни вновь замыкается в питейном заведении. Таким образом, формируются концентрические круги замкнутого пространства Петербурга, в которые попадает герой вместе с губернией. Примечательно, что, по сути, эти пространства отличаются между собой только географическим расположением. Их общая суть передаётся с помощью образа поведения провинциала и губернии в этом пространстве.

В залах Елисеева, в компании губернских помещиков-«кадыков»: *«Съедаются первые четыре десятка устриц, потом съедаются, потом съедаются ещё четыре десятка устриц, в промежутках съедаются: два фута свежей икры, фунт сыру, фунт сёмги. Выпиваются по бутылке шабли на брата, потом по бутылке шампанского; в промежутках пробуются разные сорта водок. Дым синими волнами ходит по комнате, так, что несмотря на зажжённый газ, почти ничего не видно»* [6, с. 266].

В театре – храме духовной жизни среди друзей-чиновников повторяется то же самое: обед, после спектакля ужин. Процесс духовного обогащения подменяется попойкой: *«И точно, за обедом мы пьём сравнительно довольно мало, так что, когда я, руководствуясь бывшими примерами . налил себе перед закуской большую (железнодорожную) рюмку водки... Затем по рюмке хересу, по стакану доброго лафита и по бутылке шампанского на человека – и только»* [6, с. 270]. На следующий день у другого товарища обед повторяется: *«Мы обедаем вмятером. Выпиваем по рюмке хересу, по стакану доброго лафита и по бутылке шампанского на человека – и только»* [6, с. 273]. Обеды и ужины проходят чередой, наполняют пространство, организуют однообразный ритм, создают временную цикличность. В этом подлокусе герой пребывает десять дней, которые пролетают как один.

Благодаря такому, однообразию и повторяемости действия в разных частях пространства, елисеевская территория «кадыков» и театральная территория чиновников-либералов образуют единство, для которого характерны физическая и временная замкнутость или цикличность. Так петербургское пространство, представленное гостиницами и ресторанами, воспринимает герой: *«Мне сдаётся, что всё это время я провёл в одиночном заключении! И действительно, это было не более, как одиночное заключение, только в особенной своеобразной форме. Провести в продолжении двух недель всё сознательные часы в устричной зале Елисеева, среди кадыков и иконописных людей – разве это не одиночное заключение. Провести остальные десять дней в обществе действительных статских кокодексссов, лицом к лицу с несомненной чепухой, в*

vide 'Le sabre de ton père», с чепухой без начала, без конца, без середины – разве это не одиночное заключение?» [6, с. 273].

Примечательно, что персонажи, существующие в этом замкнутом пространстве, воспринимаются героем-провинциалом как непреодолимая стена, формирующая это пространство: *«Нет, это были не более, как люди стеноподобные, обладающие точно такими же собеседовательными средствами, какими обладают и стены одиночного заключения» [6, с. 275].*

Жизнь героя в Петербургском пространстве ограничивается определёнными постоянными сублокусами, за пределы которых провинциал выйти не может. Так попытка бегства с территории Grand Hôtel и елисеевских зал, приводит его в театральные буфеты, в номера *chambers garnies*. После буфета и нелепой пьесы он встречает своего рокового компаньона Прокопа – губернского прожектёра. Оба попадают в инварианты зал Елисеева более низкого класса, сначала к Доминику, затем к Палкину, Шухардинову, в «Старый Пекин»... Все эти места притягивают героя помимо его воли. Когда он трезвеет, он полон желания возвратится к упорядоченному образу жизни: *«Совершенно свежий и трезвый, я вышел на улицу с твёрдым намерением идти на все четыре стороны...» [6, с. 286].*

Примечательно, что после очередного загула, герой совершает ритуал омовения – очищения в воронковских банях, после которого ожидается возрождение к новой жизни. Но возрождения не происходит, и он вновь вовлекается в порочный круг попок, очерченный этими сублокусами.

Эта изнаночная часть петербургского пространства, состоящая из сублокусов, имеет, как видим общие внешние признаки. В первую очередь необходимо отметить его замкнутость, цикличность. Другой его чертой является его единообразие. Перемещаясь в различных сублокусах, герой ощущает себя в одном и том же месте. Эти места, по большому счёту различаются одними названиями, иногда автором указывается их географическое положение, по сути, они не обладают внешними дифференциальными чертами. Зато имеют одно обобщающее свойство: они организуют определённым образом распорядок и ритм жизни губернии, придают ей характерную форму: у Доминика *«Съели по два куска кулебяки; выпили по две рюмки водки» [6, с. 283]; «мы пробеседовали у Палкина до двух часов. Съели только по одному бифштексу, но выпили...»;* в «Старом Пекине» *«Опять два бифштекса... - опять возвращение домой с песнями» [6, с. 283].* Далее перемещение героев повторяется по этим точкам пространства, что сам от и констатирует: *«Да, мы отправились снова к Балабину, потом к Палкину, оттуда к Шухардину и, наконец, в “ Пекин ”» [6, с. 301].* Определяющие черты этого пространства – это еда и алкоголь, образ занятия в них – обжорство и пьянство.

Атмосфера всепоглощающей скуки – ещё одна общая черта этого пространства. Она создаёт ощущение искусственности удовольствий, развлечений, и в целом всей жизни: «наконец приехал в Петербург – и опять изнемогаю от скуки. Везде чего-то недостаёт, как будто вся жизнь не настоящая. И вино не настоящее, и Шнейдерша не настоящая, и песни не настоящие, и любовь не настоящая, и авгуры не настоящие, и их речи не настоящие». Возникают мотивы обманности и театральности, характеризующие это пространство Петербурга: *«Словом сказать, жизнь идёт, словно плохое театральное представление»* [6, с. 277].

Таким образом, сублокусы этой части пространства формируют мифологический «заколдованный круг» [6, с. 279], как называет такое проживание сам автор. Различие между этими сублокусами условно-территориальное. На самом деле это единое пространство, которое отражает подлинную жизнь, скрытую за парадными фасадами Петербурга. Попадая в него, герой проваливается в какое-то небытие, теряет ощущение координат времени и пространства, они сводятся к нулевой точке: *«Но после пятого вечера со мной случилось нечто совсем необыкновенное. Я проснулся с головной болью и долгое время ничего не понимал, а только смотрел в потолок. Вдруг слышу голос Прокопа: “Господи Иисусе Христе! Да где же мы?”... – Где мы вчера были? – обратился я к Прокопу. Но Прокоп стоял как бы в остоленении и только пялил на меня свои опухшие глаза»* [6, с. 301].

Как видим, Петербургский локус представлен в повествовании, прежде всего, внутренним пространством. На первый взгляд, внешне оно делится на две основные части. Это Grand Hôtel, залы Елисеева, театральные буфеты, и chambers garnies на Гороховой. Яркой чертой этого пространства выступает среда его обитателей – «кадыков» и чиновников. Эта среда создаёт характерную для этого пространства атмосферу кутежа, попок – атмосферу порока. Внешними признаками этой территории являются еда (устричные залы Елисеева, бифштексы в «Старом Пекине», у Шухардина), питьё (водка, шампанское, лафит, херес), дым и мрак.

Примечательно, что собирательный образ персонажей этого пространства вызывает у героя ассоциации с непреодолимой стеной – образом, раскрывающим его внутреннее значение. Образ стены формирует определяющую черту этого пространства – оно замкнутое, сам герой говорит о нём как о заколдованном круге, из которого герой-провинциал не может выйти. Ещё одна черта, территории увеселительных заведений это её единообразие. На ней перемещаются одни и те же персонажи, с характерным единым образом занятий.

Замкнутость и единообразие определяют в этом пространстве ритм жизни. Время здесь пробегает мгновенно, герой теряет ориентацию в пространстве, ему трудно дать себе отчёт, сколько времени проходит между событиями кутежей. Время и пространство в петербургском локусе сокращаются до нулевой точки, когда провинциал впадает в беспамятство и не отдаёт себе отчёт, где он и сколько времени. Главный признак цикличности петербургского хронотопа обуславливает и тип героя. Провинциал – герой безнадёжности, который не способен вырваться из этого пространства или его изменить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С. Г. Петербургский пейзаж: камень, вода, человек / Бочаров С. Г. // Филологические сюжеты. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 347 – 361.
2. Лотман Ю.М. Символика Петербурга // Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство — СПб», 2004. – С. 320 – 333.
3. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Лотман Ю. М. // О русской литературе. Санкт-Петербург : «Искусство - СПб», 2005. – С. 621 – 659.
4. Лотман Ю. М. Образы природных стихий в русской литературе / Лотман Ю. М. // Пушкин. – Санкт-Петербург: «Искусство - СПб», 2005. – С. 814 – 820.
5. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / Топоров В. Н. // Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – Санкт-Петербург: «Искусство СПб». – С. 7 – 21.
6. Щедрин Е. (М. Е. Салтыков) Собр. соч.: В 9-ти т. – М.: Правда, 1951. – Т. 5. – С. 257 – 532.
7. Эльсберг Я. «Господа Ташкенцы», «Дневник провинциала в Петербурге» / Эльсберг Я. // Собр. соч.: В 9-ти т. – М.: Правда, 1951. – Т. 5. – С. 533 – 538.

АННОТАЦИЯ

В статье автор показывает, что пространство романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» имеет свои характерные особенности. Петербургский локус в романе персонифицирован в провинциальном обществе. Его характерными внешними признаками являются сублокусы – значные места; Это

пространство замкнуто, единообразно, время в нём циклично. Его образ передаёт состояние безысходности России периода контрреформации.

Ключевые слова: пространство, локус, сублокус, петербургский текст, образ.

SUMMARY

In this article the author shows that the space in the novel “Provincial Sketches” by M.E. Saltykov-Shchedrin has its peculiar properties. The area of Petersburg in the novel is personified in provincial society. Its characteristic outward signs are subareas represented by haunts of vice. This space is closed, uniformed and time is cyclic there. Its image conveys the state of desperation in Russia in the period of counter-reformation.

Key words: space, area, subarea, Petersburg text, image.